

В.В. Старостенко

г. Могилев, УО «МГУ им. А.А. Кулешова»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВЩИНЫ

В религиозной жизни Беларуси и государственно-конфессиональных отношениях на рубеже XX–XXI вв. произошли существенные изменения, вызванные идейной трансформацией постсоветского общества. В 1990-х гг. сложился феномен «религиозно-церковного ренессанса», который нашел отражение прежде всего в увеличении количества действующих религиозных организаций, росте манифестируемой религиозности населения, усилении позиций церковных институтов в социальной жизни общества.

Религиозная жизнь современной Могилевской области представлена 281 общиной, которые входят в состав 20 конфессий. [8] В целом в республике на начало 2013 г. действует 3251 религиозная община 25 конфессий. [2] По сравнению с другими регионами страны Могилевщина традиционно отличается меньшей конфессиональной активностью, представленные здесь религиозные организации составляют менее 9 % от их общей численности в Беларуси. При этом на территории области проживает около 12 % населения страны.

При анализе религиозной ситуации особого внимания заслуживает уровень религиозности и показатели конфессиональной принадлежности населения, поскольку эти знания имеют не только общетеоретический, но и практический интерес, могут быть использованы при конструировании оптимальных государственно-конфессиональных отношений. Примером актуальности проблемы на региональном уровне может служить, в частности, парадоксальная ситуация, сложившаяся со спектаклем «Иисус Христос – Суперзвезда» в рамках гастролей Санкт-Петербургского театра «Рок-опера» в городе Могилеве в 2012 г.

Материалы социологических опросов постсоветского периода не избавлены от противоречий, но явно указывают на процесс десекуляризации социума, формальное снижение числа неверующих и рост религиозности

населения. Результаты последнего наиболее репрезентативного республиканского исследования (2006 г.) показывают 58,9 % носителей религиозной (вера в Бога) самоидентификации, [1, с. 48] но этот мировоззренческий тип выделяется на основе общей декларации о религиозной вере. Определение численности верующих лишь на основе числа утвердительно отвечающих на вопрос «верите ли Вы в Бога» является с научной точки зрения некорректным. Исследование уровня религиозности населения должно учитывать не только формальную религиозную самоидентификацию, но и знание вероучительных основ своей конфессии, регулярность отправления культовых практик.

Результаты исследования 2006 г. показывают и специфику формальной религиозной самоидентификации населения регионов республики: ее наиболее высокий уровень демонстрируют респонденты Гродненской (65,5 %) области, а, напротив, в Могилевской области и в г. Минске лишь 52,5 % и 50 % респондентов соответственно заявляло, что «верят в Бога». Наибольшее число «неверующих» было зафиксировано в Витебской области (20,3 %), г. Минске (16,2 %) и Могилевской области (14 % респондентов). [3, с. 52]

Специализированное исследование по тематике социологии религии в Могилевской области было проведено в 2012 г. [6] Оно показывает весьма высокий уровень формальной религиозной самоидентификации: абсолютное большинство респондентов (79,8 %) заявило, что считает себя верующими. 14,5 % «не веруют, но уважают чувства верующих», 4,9 % «безразлично относятся к религии», 0,6 % «считают, что с религией нужно бороться» и 0,3 % «затруднились с ответом». [6, с. 20]

Одновременно с выявлением значительной группы «верующих» социологи выявляют свойственную современному социуму Могилевщины ярко выраженную декларативность религиозной веры. Так, из числа заявивших о своей «религиозности» (79,8 %) лишь 16,4 % сообщили, что «веруют и соблюдают религиозные обряды», тогда как 63,4 % респондентов – что «веруют, но обрядов не соблюдают». [6, с. 20] При ответе на более детальный вопрос «Как часто Вы участвуете в совершении религиозных обрядов, богослужений, таинств (причастие, исповедь и др.)?» 39,2 % всех респондентов заявило, что «не участвуют», 37,3 % – «по праздникам», 20,5 % – «по зову души». О ежедневном участии в богослужениях сообщили 0,5 % опрошенных, а «один раз в неделю» – 2,5 % респондентов. [6, с. 55] Сравнительно более низкую степень церковной дисциплины демонстрируют «православные» верующие. 39,9 % из них в культовых практиках не участвуют вовсе, «один раз в день» – 0,5 % и «один раз в неделю» – 2 %. [6, с. 55] Лишь в 18,9 % случаев мотивом посещения православного богослужения являются «религиозные убеждения», чаще всего – «уважение к религиозным традициям». [6, с. 56]

По общереспубликанским новейшим исследованиям Института социологии НАНБ, только 19,9 % жителей Беларуси считают себя истинно верующими людьми. [4, с. 134] Согласно результатам опроса 2010 г.,

проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, постоянно принимают участие в богослужениях 6 % опрошенных, в отправлении всех обрядов и таинств – 4,5 %. [7, с. 73] При этом об участии в богослужебной и обрядовой практике «по религиозным убеждениям» указывало лишь 37,8 % православных, но 50 % католиков. [5, с. 56]

Можно утверждать, что существующие социологические данные ставят под сомнение подлинность манифестируемой респондентами религиозной веры, поскольку устойчивое культовое поведение, выражающееся, прежде всего в регулярном посещении богослужений и совершении таинств, обрядов своей конфессии – один из безусловных атрибутов реальной религиозности, в традиционном понимании последней.

Заметим в этой связи, что в западной социологии принадлежность к церкви может определяться по вопросу «Были ли Вы на богослужении в прошлое воскресенье?» (но не на Пасху или Рождество). Материалы могилевского социологического исследования 2012 г. дают по показателю посещения богослужений не реже 1 раза в неделю 3 % «собственно верующих», и 2,5 % «собственно православных», [6, с. 55] т.е. процент «собственно верующих» близок к социологической погрешности.

Отчетливо выявляется и мировоззренческий эклектизм жителей Могилевщины: лишь 20,1 % считают, что религия помогает обрести смысл жизни, 6,9 % – что она помогает понять и объяснить мир. [6, с. 26] То, что религия дарит надежду на воскрешение после смерти, считают лишь 4,4 % респондентов. [6, с. 39] При этом 28,8 % опрошенных верит в способности экстрасенсов, 26,7 % – в астрологию и гороскопы, 21,2 % – в гадания и предсказания, 20,4 % – в колдовство (ворожбу, порчу, сглаз). Напротив, лишь 24,8 % верят в существование ада и рая, 22,5 % – в бессмертие души – один из основополагающих догматов христианства. [6, с. 17–18] Респонденты, идентифицирующие себя с верующими людьми, демонстрируют главным образом поверхностное знание вероучительных текстов (Библия, Коран и т.д.) своей религии. О знакомстве с ними «в подробностях» заявило 16,3 % «верующих». О том, что «один раз читали, но над их смыслом не задумывались» – 42 %, о знакомстве «понаслышке» – 31,6 %; о том, что «не знакомы вообще» – 10,1 %. [6, с. 52]

Для сравнения: по общереспубликанским данным, среди «верующих в Бога» 27,1 % считают, что религия помогает обрести смысл жизни, 12,6 % – что она помогает понять и объяснить мир. При этом 27,9 % верит в переселение душ, 42,1 % – в гадания, 57,3 % – в ворожбу, порчу, сглаз. Большинство «верующих» плохо знают или вовсе не знакомы с Библией. [5, с. 33, 36, 57]

Эти и другие социологические материалы свидетельствуют о преимущественно «культурной религиозности» современных «верующих», а не религиозности в собственном смысле этого слова, так как последняя наряду с регулярным исполнением культовых практик предполагает

обязательное знание и принятие определенного вероучения. Эклектизм, размытость религиозного сознания большинства «социологических верующих» обусловили применение понятия «секулярный (партикулярный) верующий» для обозначения лица, декларирующего себя верующим, но не живущего церковной жизнью. Схожая ситуация формирования «парадоксального верующего» наблюдается социологами в молодежной среде. Здесь «парадоксальный верующий», относя себя к определенной церкви, заявляет о вере в наиболее распространенные в ней идеи, но не знает их содержания, может принимать и противоположные утверждения других религий; не обременяет себя исполнением требований церковной дисциплины, не имеет связи с религиозной общиной. [10, с. 126–128]

«Религию, веру в Бога» респонденты Могилевщины определили на 8 место из 11 в списке наиболее значимых ценностей жизни. Причем для молодого поколения она заняла 10 (предпоследнее) место, опередив лишь «познание смысла жизни». [6, с. 14–15] Эти данные показывают прагматизм мировоззренческих установок людей в повседневной жизни, сравнительно узкую социальную базу сегмента собственно верующих граждан.

По общереспубликанским социологическим данным, количество неверующих в современной Беларуси, по сравнению с советским периодом (около 70 %), сократилось до 20 % в 2000 г., то есть более чем в 3 раза. Другие исследования (1998 г. и 2006 г.) определяют 13,2 % и 12,3 % неверующих. [1, с. 48] Данные по Могилевской области 2012 г. показывают 20 % совокупной группы «неверующих», «безразлично относящихся к религии» и «считающих, что с религией нужно бороться». [6, с. 20] Однако, если принять во внимание преобладающе декларативный характер «религиозной веры» респондентов, то следует признать, что реальная численность «неверующих» значительно выше.

Обращают на себя внимание и социально-демографические характеристики мировоззренческих типов, выделяемых на основе отношения жителей Могилевщины к религии. Так, по сравнению с другими выделяемыми возрастными группами наиболее высокую «религиозность» («веруют и соблюдают религиозные обряды») заявляют респонденты «50 и старше» (28,7 %), а самую низкую (10,4 %) – молодежная группа («до 30 лет»). В гендерном отношении более высокую «религиозность» демонстрируют женщины (18,9 %), нежели мужчины (12,1 %). Среди мужчин более чем в два раза больше «неверующих» и безразличных к религии [6, с. 21]

Социологами выявляется также связь декларируемой религиозности с уровнем образования респондентов. Среди относящих себя к православию (а это абсолютное большинство «верующих») наиболее значительные группы опрошенных имеют среднее, среднее профессиональное и среднее специальное (от 25,8 % до 27,3 %) образование, тогда как высшее образование – только 17,5 %. [6, с. 50] К этому можно добавить, что более высокий уровень религиозности («веруют и соблюдают религиозные

обряды») характерен для жителей сельских населенных пунктов (23,7 %), а наиболее низкий (13,4 %) – для населения крупных городов. [6, с. 22]

Таким образом, более высокая «религиозность» характерна прежде всего для респондентов Могилевщины четырех категорий: 1) старшего возраста, 2) женщин, 3) имеющих более низкий уровень образования и 4) проживающих в сельских населенных пунктах. Это соответствует как общетеоретической модели «верующего», так и, в своих наиболее значимых аспектах, результатам общереспубликанских исследований. [9, с. 46–47]

Обращают на себя внимание и выявляемые в ходе социологических исследований конфессиональные ориентации населения Могилевщины. 88,7 % считающих себя «верующими» и отнесших себя к той или иной религии отождествляют себя с православием, 1,6 % – с римо-католицизмом, 2,2 % – с протестантизмом, 0,9 % – со старообрядчеством, 0,2 % – с исламом, и столько же – с буддизмом. [6, с. 37] Для сравнения: по обобщенным данным общереспубликанских опросов, около 80 % «верующих» относят себя к православию, около 10–15 % – к римо-католицизму, от «менее 1 %» до 2 % – к протестантизму, от 0,1 % до 0,3 % – к иудаизму и к исламу, около 3 % – к другим религиям.

В этой связи важно заметить, что выражение конфессиональных симпатий населения не является безусловным и объективным показателем собственно церковной принадлежности. К примеру, если принять на веру утверждения об около 80 % православных верующих, то без внятного ответа останутся вопросы, куда исчезают эти проценты социологического массива в дни православных постов, в часы проведения в церквях богослужений, в том числе по наиболее значимым христианским праздникам.

Существенная и парадоксальная особенность социологической картины современной религиозности в Беларуси – более высокие показатели конфессиональной самоидентификации в сравнении с показателями общей религиозной самоидентификации респондентов. По данным республиканского опроса 2006 г., к «верующим» себя отнесли 58,9 % респондентов, и в то же время с православием себя отождествили 72,6 % опрошенных. [1, с. 50] На Могилевщине ситуация во многом схожа: опрос 2012 г. показал 79,8 % «верующих» от общего массива респондентов, и одновременно 93,4 % опрошенных отнесли себя к той или иной религии, в том числе 88,7 % – к православию. Иначе говоря, социологи фиксируют очевидный парадокс: декларирующих конфессиональную принадлежность, прежде всего к православию, оказывается больше, чем «верующих в Бога» и соблюдающих религиозные традиции. Это подчеркивает феномен не столько собственно религиозной, сколько традиционно-обыденной самоидентификации большинства респондентов.

При всей нетождественности социологических данных о религиозности населения как Могилевщины, так и Беларуси в целом, можно утверждать об известной поляризации отношения к религии. В этих условиях, дополняемых поликонфессиональной структурой республики, особую актуальность

приобретает осуществление научно обоснованной государственной политики в области свободы совести, подразумевающей реализацию закрепленного в национальном законодательстве права граждан как на свободу вероисповедания, так и на свободу атеизма. [9, с. 171–178]

Оперирование ложными стереотипами о преобладающей религиозности среди граждан Беларуси и их господствующей конфессиональности объективно представляет опасность для обеспечения социальной стабильности и национальной духовной безопасности, так как эти идеологемы могут служить идейным обоснованием для необоснованных предпочтений в религиозной сфере, дискриминации граждан по признаку отношения к религии, попыток осуществить искусственную десекуляризацию общества и государства, теологизацию государственного образования и т.п. Не имеющая объективных оснований ориентация государства на избранные конфессии, не представляющие реального большинства населения, способна привести не к интеграции, а диаметрально противоположному результату – дезинтеграции социума.

Литература

1. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55.
2. Количество религиозных общин в Республике Беларусь (по состоянию на 1 января 2013 г.) // Архив Уполномоченного по делам религий и национальностей [при Совете Министров Республики Беларусь].
3. Конфессии и культовые сооружения Беларуси: атлас / Бел. гос. ун-т, геогр. фак.; под рук. И.И. Пирожника. – Минск : БГУ, 2007. – 56 с.
4. Котляров, И.В. Какая дорога ведет к храму: социологические аспекты / И.В. Котляров // Религия и общество – 6: сб. науч. статей / Под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. – С. 132–135.
5. Новикова, Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л.Г. Новикова. – Минск : БТН-информ, 2001. – 132 с.
6. Отчет о научно-исследовательской работе «Религиозные воззрения как фактор духовности жителей Могилевской области» / Могилевский институт региональных социально-политических исследований; Н.Е. Лихачев [и др.] // Архив Отдела по делам религий и национальностей Могилевского областного исполнительного комитета.
7. Республика Беларусь в зеркале социологии: Сборник материалов социологических исследований за 2010 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск : Белорусский Дом печати, 2011. – 86 с.
8. Сведения о религиозных общинах в Могилёвской области на 1 января 2013 г. // Архив Отдела по делам религий и национальностей Могилевского областного исполнительного комитета.

9. Старостенко, В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография / В.В. Старостенко. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – 272 с.: ил.

10. Юдин, В. В. Особенности религиозности молодежи восточных регионов Беларуси / В.В. Юдин. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 150 с.